

Оглавление

I. КЕТЕР

- 1. *И вот, свет Бесконечного*13
- 2. *У нас есть странные и редкие часы*22

II. ХОХМА

- 3. *Ради этой надобности милосердные ангелы*37
- 4. *Кто хочет проникнуть в Розовый Сад Философов*46
- 5. *Двадцать две буквы основания*52
- 6. *Иегуда Леон из пермутаций*65

III. БИНА

- 7. *Не ждите слишком многого от конца света*71
- 8. *Пришедший от света и от богов*77
- 9. *И в его деснице труба золотая*84
- 10. *И наконец, не иное выводится каббалистически из *vinut**88
- 11. *Его бесплодие было безгранично*96
- 12. *Под сению крил Твоих, Господи*101
- 13. *Магистры, братие во Храме*110
- 14. *Сознался бы даже и в том, что убил Господа*131
- 15. *Я пойду за подмогою к графу д'Анжу*145
- 16. *До ареста пробыл в ордене только девять месяцев*152
- 17. *Исчезли члены ордена Храма*160
- 18. *Земля пронизана вдоль и поперек расщелинами и кавернами*167
- 19. *Орден ни на минуту не переставал существовать*176

20. Невидимый центр, властитель, которому предстоит воскресение	188
21. Грааль до того тяжелоувесен	200
22. Чтобы рыцарям Грааля вопросов не задавали	205

IV. ХЕСЕД

23. Аналогия противоположных	215
24. Спасите слабую Айшу	220
25. И все причастные тайн	226
26. Все предания на земле	230
27. Рассказывая однажды, что он встречался с Понтием Пилатом	237
28. Есть корпус, который объемлет весь единый мир	243
29. Они меняют и укрывают свои имена	249
30. Еще знаменитое побратимство Розы и Креста	256
31. Вероятно, что большинство предполагаемых розенкрейцеров	265
32. Валентиниане... превыше всего	269
33. Видения бывают белые, синие, белые с ярко-алым	273

V. ГЕБУРА

34. Бейделус, Демеймес, Адудекс	287
35. Я – Лиля	297
36. Позвольте тем временем советовать	301
37. Всякий рассуждающий о четырех вещах	309
38. Тайный Мастер, Мастер Совершенный	314
39. Рыцарь Небесных Сфер	323
40. Трус умиляет много раз	332
41. Располагается в месте, где Пропасть	335
42. Мы всегда согласны между собою	342
43. Люди, встречаемые на улице	347
44. Призывай силы	353
45. Из этого вытекает потрясающий вопрос	357
46. Ты приблизишься к жабе многократно	364
47. Держал бы в постоянном возбуждении чувства и потрясенную память	370
48. Приблизительный подсчет	377
49. Духовное рыцарство посвященных	383
50. Я емь и первая и последняя	389
51. Когда же Каббалистический Мозг	399
52. Колоссальная шахматная доска	404
53. Не имея возможности открыто направлять земные судьбы	408
54. Князь ада – джентльмен	418
55. Именую театром	422

56. Он взялся играть на великолепной трубе	430
57. На каждом третьем дереве было повешено по фонарю	437
58. Алхимия – это целомудренная блудня	448
59. И елико порождаются сии уроды	454
60. Бедный глупец!	457
61. Это Златое Руно	462
62. Мы полагаем друидическими обществами	466
63. Что тебе напоминает эта рыба?	471

VI. ТИФЕРЕТ

64. Сон, что живешь в ином и неведомом городе	481
65. Рама эта имела двадцать квадратных футов	485
66. Если наша гипотеза справедлива	490
67. О Розе мы не будем говорить	495
68. Пускай твои одежды будут белыми	502
69. Они – женщины – становятся Дьяволом	511
70. Все мы помним секретные намеки	513
71. Мы даже не знаем с определенностью	519
72. Наши предположительные невидимые	525
73. Еще один занимательный пример	530
74. При том, что намерения он имеет благие	544
75. Посвященные находятся на пределе этого пути	549
76. Дилетантизм	556
77. Трава, которая называется Чертогонною	568
78. Я сказал бы, что эта монструозная пометь	572
79. Он открыл свой чемоданчик	577
80. Когда возобладает Белизна	581
81. Они были бы способны взорвать поверхность планеты	583
82. Земля есть магнетическое тело	587
83. Карта – это не местность	594
84. Согласно указаниям Вефуламия	598
85. Филеас Фогг. В этом имени – программа	601
86. Это к ним обратился Эйфель	603
87. Забавное совпадение	605
88. Тамплиерство и есть иезуитство	609
89. Возникло в лоне наигустейших сумерек	616
90. Все непотребства, приписываемые тамплиерам	618
91. Как прекрасно, что вы развенчали адские секты	622
92. Эти мудрецы решили мирно завоевать мир для Сиона	624
93. Сами со своей тайной организацией оставшись в тени	627

94. Было ли у него хоть малейшее подозрение?	630
95. Это евреи-каббалисты	632
96. Прикрытие всегда необходимо	636
97. Я есмь Тот, кто есть	641
98. Расистский гнозис, ритуалы и инициации	657
99. Геноцизм плюс танковые дивизии	661
100. Я утверждаю, что Земля пустотела	663
101. Занявшемуся Каббалой	668
102. Стена толстейшая и великая	670
103. Твое тайное имя будет состоять из тридцати шести букв	675
104. Эти тексты не обращены к простым смертным	680
105. Разум хромает, язык заплетается, ум убывает	683
106. Список № 5	688

VII. НЕЦАХ

107. Заметил, черный пес бежит по пашне?	701
108. Различные ли орудия силы?	703
109. Сен-Жермен... Тонок, остроумен... ..	711
110. Ошибившись в направлении, стали переходить от буквы к букве в обратном порядке	729
111. Это урок на будущее	735

VIII. ГОД

112. Для наших церемоний	743
113. Наше дело – тайна	751
114. Идеальный маятник	775
115. Если бы глаз мог видеть демонов	778
116. Я хотел бы быть башней, висеть на Эйфелевой башне	785
117. У Дури множество палат	790

IX. ЙЕСОД

118. Социальная теория заговора	797
119. И зажжен был венец трубы	809

X. МАЛЬХУТ

120. Худо то, что они убеждены, что свет там, где они	825
---	-----

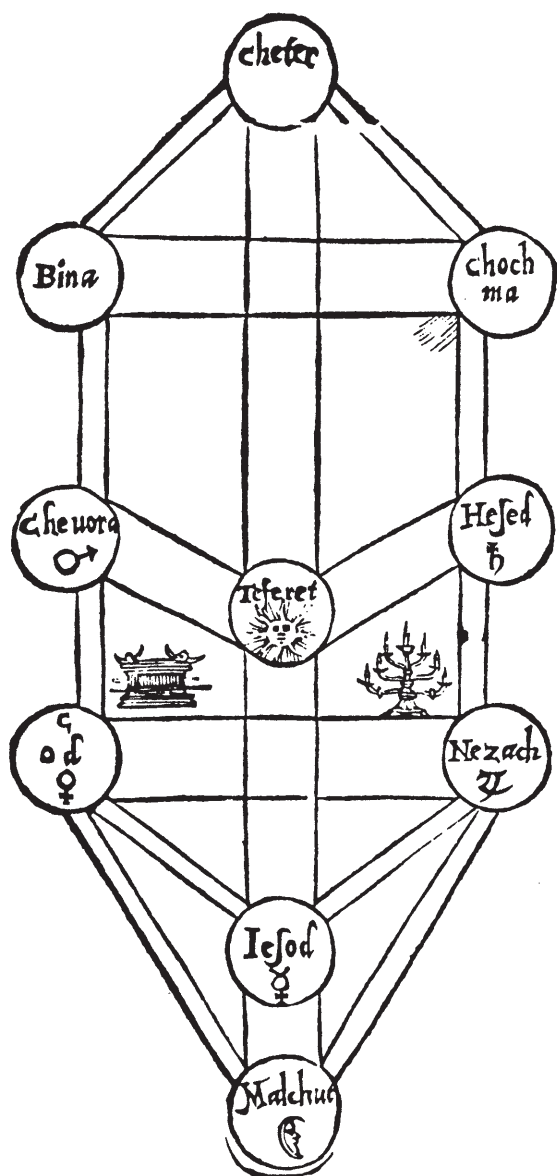
Источники иллюстраций	829
-----------------------------	-----

Единственно ради вас, сыновья учености и познания, создавался этот труд. Глядя в книгу, находите намерения, которые заложены нами в ней; что затемнено семо, то проявлено овамо, да охватится вашей мудростью.

ГЕНРИХ КОРНЕЛИЙ АГРИППА НЕТТЕСГЕЙМСКИЙ,
Об оккультной философии.
HEINRICH CORNELIUS AGRIPPA VON NETTESHEIM,
De occulta philosophia, 3, 65

Суеверия не к добру.

РАЙМОНД СМУЛЛИАН,
За пять тысяч лет до нашей эры.
RAYMOND SMULLYAN,
5000 B. C., 1.3.8.

I. КЕТЕР

(ב) והנה בהיות אור הא"ס נמשך,
בבחינת (ה) קו ישר תוך החלל
הנ"ל, לא נמשך ונתפשט (ו) תיכף
עד למטה, אמנם היה מתפשט לאט
לאט, רצוני לומר, כי בתחילה הת-
חיל קו האור להתפשט, ושם תיכף
(ז) בתחילת התפשטותו בסוד קו,
נתפשט ונמשך ונעשה, כעין (ח)
גלגל אחד עגול מסביב.¹

И тут я увидел Маятник.
Шар, висящий на долгой нити, опущенной с
вольты хора, в изохронном величии описывал
колебания.

Я знал, но и всякий ощутил бы под чарами мерной пульса-
ции, что период колебаний определен отношением квадрат-
ного корня длины нити к числу π , которое, иррациональное
для подлунных умов, волей божественной Рации неукосни-
тельно сопрягает окружности с диаметрами любых сущест-
вующих кругов, как и время перемещения шара от одного
полюса к противоположному составляет результат тайной
соотнесенности наиболее вневременных мер: единственно-
сти точки крепления — двойственности абстрактного изме-

¹ И вот, свет Бесконечного (Эйн-Софа), простираясь в качестве прямой линии в выше-
упомянутой пустоте, не простерся и не распространился сразу же до самого низа, а рас-
пространялся медленно и постепенно, а именно: луч света, начав распространяться в
сокровенном качестве линии, простерся, вытянулся и сделался чем-то вроде колеса,
единого, круглого и замкнутого со всех сторон... — Изложение мысли рабби Ицхака бен
Шломо Ашкенази Лурия (1536—1572), известного под именем-аббревиатурой Ари, ро-
донаучальника нового течения в еврейской мистике — «лурианской» каббалы, принадле-
жащее его ученику Хаиму Виталю («Эц Хаим» — «Древо жизни», 1, 4 (*древнеевр.*). (Здесь и
далее перевод цитат, кроме оговоренных случаев, выполнен Е. Костюкович.)

рения — троичности числа π — скрытой четверичности квадратного корня — совершенства круга.

Еще я знал, что в конце отвесной линии, проведенной от точки крепления, находящийся под маятником магнитный стабилизатор воссылает команды железнному сердцу шара и обеспечивает вечность движения: это хитрая штука, имеющая целью перебороть сопротивление материи, но которая не противоречит закону маятника, напротив, помогает ему проявиться, потому что помещенный в пустоту любой точечный вес, приложенный к концу нерастяжимой и невесомой нити, не встречающий ни сопротивления воздуха, ни трения в точке крепления, действительно будет совершать регулярные и гармоничные колебания — вечно.

Медный шар поигрывал бледными переливчатыми отблесками под последними лучами, шедшими из витража. Если бы, как когда-то, он касался слоя мокрого песка на плитах пола, при каждом из его касаний прочерчивался бы штрих, и эти штрихи, бесконечно мало изменяя каждый раз направление, расходились бы, открывая разломы, траншеи, рвы, и угадывалась бы радиальная симметричность, костяк мандалы, невидимая схема пентакула¹, звезды, мистической розы. Нет, нет. Это была бы не роза, это был бы рассказ, записанный на полотнах пустыни следами несосчитанных караванов. Повесть о тысячеелетних скитаниях; наверное, этой дорогой шли атланты континента Му, в угрюмой, упорной решительности, из Тасмании в Гренландию, от тропика Козерога к тропику Рака, с острова Принца Эдуарда на Шпицберген. Касаниями шара утрамбовывалось в минутный рассказ все, что они творили в промежутках от одного ледового периода до другого и, скорее всего, творят в наше время, сделавшись рабами Верховников; вероятно, перелетая от Самоа на Новую Землю, этот шар нацеливается, в апогее па-

1 Пятиконечной звезды (*лат.*).

раболы, на Агарту, центр мира. Я чувствовал, как таинственным общим Планом объединяется Авалон гиперборейцев с полуденной пустыней, оберегающей загадку Айерс Рок.

В данный миг, в четыре часа дня 23 июня, Маятник утрачивал скорость у края колебательной плоскости, безвольно отшатывался, снова начинал ускоряться к центру и на разгоне, посередине рассекал с сабельным свистом тайный четверугольник сил, определявших его судьбу.

Если бы я пробыл там долго, неуязвимый для времени, наблюдая, как эта птичья голова, этот копеечный наконечник, этот опрокинутый гребень шлема вычерчивает в пустоте свои диагонали от края до края астигматической замкнутой линии, мной овладела бы фабуляторная иллюзия и я поверил бы, что колебательная плоскость совершила полный оборот и возвратилась в первоначальное положение, описав за тридцать два часа сплюснутый эллипс — эллипс создавался обращением плоскости вокруг собственного центра с постоянной угловой скоростью, пропорциональной синусу географической широты. Как вращалась бы плоскость, будь нить маятника прикреплена к венцу Храма Соломона? Вероятно, Рыцари испробовали и это. Может быть, их расчет, то есть конечный результат расчета, не изменялся. Может быть, собор аббатства Сен-Мартен-де-Шан — это действительно истинный Храм. Вообще чистый эксперимент возможен только на полюсе. Это единственный случай, когда точка подвешивания нити расположилась бы на продолжении земной оси, и Маятник заключил бы свой видимый цикл ровно в двадцать четыре часа.

Однако это отступление от Закона, к тому же предусмотренное самим Законом, эта погрешность против золотой нормы не отнимала чудесности у чуда. Я знал, что Земля вращается и что я вращаюсь вместе с нею, и Сен-Мартен-де-Шан, и весь Париж со мною, и все мы вращались под Маят-

ником, который действительно нисколько не изменял ориентации своего плана, потому что наверху, где он к чему-то был привязан, на другом конце воображаемого бесконечного продолжения нити, в высоту и вдаль, за пределами отдаленных галактик, — находилась невозмутимая в своей вековечности Мертвая Точка.

Земля двигалась, однако место, к которому прикреплялся канат, было единственным неподвижным местом вселенной.

Поэтому мой взгляд был прикован не столько к земле, сколько к небу, осиянному тайной Абсолютной Неподвижности. Маятник говорил мне, что хотя вращается все: земной шар, Солнечная система, туманности, черные дыры и любые порождения грандиозной космической эманации, от первых эонов до самой липучей материи, — существует только одна точка, ось, некий шампур, Занебесный Штырь, позволяющий остальному миру обращаться около себя. И теперь я участвовал в этом верховном опыте, я, вращавшийся, как все на свете, сообщая со всем на свете, удостоивался видеть То, Недвижное, Крепость, Опору, светоносное помрачение, которое не телесно и не имеет ни границы, ни формы, ни веса, ни количества, ни качества, и оно не видит, не слышит, не поддается чувственности и не пребывает ни в месте, ни во времени, ни в пространстве, и оно не душа, не разум, не воображение, не мнение, не число, не порядок, не мера, не сущность, не вечность, оно не тьма и не свет, оно не заблуждение и не истина.

До меня долетел пасмурный обмен репликами между парнем в очках и девицей, увы, без очков.

— Это маятник Фуко, — говорил ее милый. — Первый опыт провели в погребке в 1851 году, потом в Обсерватории, потом под куполом Пантеона, длина каната шестьдесят семь метров, вес гири двадцать восемь кило. Наконец, в 1855 подвешен тут, в уменьшенном масштабе. Канат протянут через нижнюю часть замка свода...

- А зачем надо, чтобы он болтался?
- Доказывать вращение Земли. Поскольку точка крепления неподвижна...
- А почему она неподвижна?
- Потому что точка... Сейчас я тебе объясню... В центральной точке... любой точке, находящейся среди других видимых точек... В общем, это уже не физическая точка, а как бы геометрическая, и ты ее не можешь видеть, потому что у нее нет площади. А то, у чего нет площади, не может перекошиться ни влево, ни вправо, ни кверху, ни книзу. Поэтому она не вращается. Следишь? Если у точки нет площади, она не может поворачиваться вокруг себя. У нее нет этого самого себя...
- Но эта точка на Земле, а Земля вертится...
- Земля вертится, а точка не вертится. Можешь не верить, если не нравится. Ясно?
- Мне какое дело...

Несчастливая. Иметь над головой единственную стабильную частицу мира, то ни с чем не сравнимое, что не подвержено проклятию общего бега — *panta rhei*, — и считать, что это не ее, а Его дело! Вслед за этим чета пошла прочь, он — обнимая свой справочник, отучивший его удивляться, она — волоча свой организм, глухой к сердцебиению бесконечности, и оба — никак не пытаясь закрепить в памяти опыт этой встречи, их первой и их последней — с Единым, с Эйн-Соф, с Невысказуемым. Сумев не пасть на колени перед алтарем Достоверности.

Я глядел с вниманием и страхом, и мне поверилось, что Якопо Бельбо прав. Всегдашние его дифирамбы Маятнику я привык списывать на бесплодное эстетство, злокачественное, которое медленно разъедало его душу и, бесформенное, перенимало форму его тела, незаметно перекодируя игру в реальность жизни. Однако если Бельбо был прав насчет

Маятника, вероятно, он был прав и насчет всего прочего, — и был План, и был Всеобщий Заговор, и было правильно, что я оказался здесь сегодня, накануне летнего солнцестояния. Якопо Бельбо — не сумасшедший, ему просто привелось во время игры, через Игру, открыть истину.

Дело в том, что сопричастность Божескому не может продолжаться долго, не потревожив рассудок.

Тогда я постарался отвести взгляд, проследивая дугу, которая, держась на капителях расставленных полукругом колонн, уходила, подпираемая гуртами свода, к ключу, повторяя уловку стрельчатой арки, умеющей опереться на пустоту (высшая степень лицемерия в статике!) и уговорить колонны, что они обязаны пихать вверх ребра свода, а ребрам, распираемым давлением замка, внушить, чтоб они прижимали к земле колонны. Однако свод еще хитрее, он является и всем и ничем, и причиной и следствием в равной степени. И при этом я моментально понял, что отворачиваться от Маятника, свисающего со свода, и размышлять вместо этого о своде — то же самое, что зарекаться от родников, но пить из источников.

Хор собора Сен-Мартен-де-Шан существовал лишь ради того, чтобы имел существование, в прославление Закона, Маятник. А Маятник существовал только потому, что существовал собор. Не сбежишь от бесконечности, — подумал я, — удирая к другой бесконечности, не убережешься от встречи с тождественным, пытаюсь отыскать иное.

По-прежнему не отрывая взгляд от ключа соборного свода, я стал пятиться, отступая шаг за шагом. За время, прошедшее с момента прихода, я детально заучил расположение зала, да и мощные металлические черепahi, патрулировавшие стены, постоянно маячили в углу поля зрения. Пропятившись весь неф до входной двери, я снова оказался под сенью грозных птеродактилей из проволоки и тряпок, зловещих стрекоз, неведомо чьей оккультной командой отправленных под

потолок нефа. Они выступали метафорами знания, значительно более глубокими, чем, вероятно, замыслил дидакт, разместивший их в назидательной последовательности. Трепетание насекомых и рептилий мезозоя. Аллегория бессчетных миграций Маятника над поверхностью земли. Архонты¹, извращенные эманации, они пикировали на меня, целясь археоптериковыми клювами, аэропланы Бреге, Блерио, Эно, вертолет Дюфо.

Посетитель Консерватория Науки и Техники в Париже, пройдя через двор восемнадцатого века и после этого несколько коридоров, вступает в древнюю аббатскую церковь, врезанную в комплекс более поздних зданий, как прежде она была облеплена со всех сторон строениями приората. При входе сразу перехватывает дух от странного союза горней запредельной стрельчатости с хтоническим миром пожирателей солянки и мазута.

Понизу тянется процессия самоходов, самокатов и паровых экипажей, сверху висят воздухоплавательные машины пионеров, одни предметы целы, другие ободраны, истреблены временем, и все они вместе предстают под смешанным — естественным и электрическим — светом как будто в патине, в лаке коллекционной скрипки. Иногда сохраняется только скелет, шасси, наворот приводов и рукоятей и сулит неописуемые пытки, так и видишь себя прикрученным цепями к этому смирительному ложу, вот-вот оно шевельнется, пойдет разрывать твоё мясо и рыться в жилах до полного и чистосердечного признания.

А за этой вереницей старых движков, ныне безвредных, с заржавелою душою, символов технологической суетности, — с левого фланга под надзором статуи Свободы, уменьшенного макета той, которую Бартольди спроектировал для другого мира, а ежели повернуться направо, статуи Паскаля, — над всем этим высится хор, и в пустоте хора вокруг ме-

1 Враждебные Богу и человеку духи — мироправители, слуги дьявола (*термин гностиков*).

таний Маятника кружит и бьется бред сумасшедшего энтомолога: клешни, челюсти, усы, членики, крылья, ножки. Мавзолей механических мумий, готовых проснуться вдруг все совокупно: магниты, однофазные трансформаторы, турбины, преобразователи частот, паровые машины, динамо. А в глубине за Маятником, в затененном трансепте, — ассирийские, халдейские, карфагенские идолы, великие Ваалы, чье чрево беременно пламенем, нюрнбергские девы, чье сердце усеяно гвоздями, оголено. Когда-то они были моторами самолетов. Хоровод моделей, распластавшихся в рабском обожании Маятника: се детища Разума и Света, приговоренные вечно оберегать Воплощение Предания и Познания.

Скучающие туристы, несущие девять франков в кассу, а по воскресеньям идущие бесплатно, могут подумать, что господа девятнадцатого века с бородами, желтыми от никотина, с воротничком засаленным и мятым, с бантом черного цвета, в рединготе, пропахшем понюшками, с руками, потемневшими от щелочей, с мозгами, окисленными в академических интригах, карикатурные существа, зовущие друг друга «*cher maître*», разместили эти предметы под этим сводом из чистой любви выставяться, ради ублаговления буржуазного и интеллигентского сословий, во славу достижений знания и прогресса... Нет, нет, Сен-Мартен-де-Шан был запланирован, и на этапе аббатства, и на этапе революционного музея, для хранения сверхсекретных данных, и самолеты, самоходные машины и магнитные скелеты, согласно заданию, ведут условный диалог, к которому я до сих пор не имею ключа.

Неужели предполагалось, что я поверю, — как лицемерно подзуживал каталог музея, — что замечательная идея принадлежала господам из Конвента, а целью их было — приобщить массы к святилищу техники и ремесел? Притом что проект музея во всех мельчайших деталях, да даже и в терминологии

гии, совпадает с описанием Соломонова Дома в «Новой Атлантиде» Фрэнсиса Бэкона?

Может ли быть, что только мы (я, и Якопо Бельбо, и Диоталлеви) распознали истину? Сегодня мне, вероятно, предстояло получить ответ. Для этого надо было остаться в музее после его закрытия и дожидаться двенадцати часов ночи.

Как войдут в собор Те — мне было неизвестно. Но я знал, что коллекторы парижской канализации — это катакомбы. Значит, и музей сообщается с разными концами города — войдешь тут, а вынырнешь у ворот Сен-Дени. Но если бы сейчас вышел, то вряд ли сумел бы найти подземный ход обратно. Так что для меня единственное решение — спрятаться и ожидать здесь.

Я попробовал выпасть из романтического транса и проинспектировать помещение чисто практически, ища не откровения, а информации. Начнем с того, что в соседних залах еще труднее найти место, защищенное от внимания смотрителей (а в их обязанности входит, перед закрытием, проверять залы на предмет затаившихся воров). Но в этом нефе, заставленном машинами, что может быть естественнее, чем угнездиться пассажиром в какой-нибудь из них? Обжиться в мертвом панцире. Мы так много играли, что глупо не поиграть еще немножко.

Смелей, душа, сказал я, не думай больше о Знании и доверяйся Науке.

2

У нас есть странные и редкие часы,
и часы, идущие обратно, и вечные... У нас есть
и Каморы обмана чувств, где любые чудеса Фиглярства,
и Мнимых Видений, Мороков и Блазнов...
Таковы, о сын, богатства Дома Соломона.

ФРЭНСИС БЭКОН, *Новая Атлантида*.
FRANCIS BACON, *New Atlantis*,
ed. Rawley, London, 1627, p. 41–42

Я взял себя в руки. В эту игру следовало играть с тем же юмором, как до сих пор, не вовлекаясь. Я в музее, и я доиграю свою рольку по возможности остро, умно, хитро.

В вышине самолеты зазывали влезть в кабину биплана и дожидаться ночи, паря над Ла-Маншем, предвкушая Почетный легион. Внизу имена машин напоминали прадетство. «Испано-Сюиза» 1932 года — само совершенство, удобство. Не годится... Слишком уж близко к кассе. Хорошо бы, конечно, для обмана зрителя натянуть брюки-гольф, застыть, придерживая дверцу автомобиля перед дамой в кремовом английском костюме, с длинным шарфом на лебединой шее, в шляпе раструбом, со стрижкой под мальчика. «Ситроен С-6G» 1931 года имелся только в разрезе, прекрасная учебная модель, но никудышное укрытие. О паровой машине Кюнью речи не шло — она целиком состояла не то из бака, не то из котла, бог весть как называется эта штука. Правая стена была заставлена велосипедами на фигурных колесах, дрезинами с плоскими рамами, самокатами, отрадой господ в высоких цилиндрах, раскатывающих по Булонскому лесу, этих рыцарей прогресса.

Перед велосипедами — солидные автомобили, бесподобные убежища. Не обязательно первый попавшийся. Непри-

годен «Панар Динавия» 1945 года, слишком сквозной, приплюснутый, аэродинамический, точеный. А вот высоченная «Пежо» 1909-го как раз вполне подошла бы: гарсоньерка, альков. В глубинах ее кожаных диванов никто бы меня не нашел. Но трудно в нее забраться, зритель уселся у дверцы, на скамеечке, спиной к бициклетам. Шагнуть бы на подножку, раздвигая полы шубы, и пусть он, в обтяжных по колено гетрах, почтительно сдернув кепку, подержит мне тяжелую дверь...

Я рассмотрел кандидатуру «Обеиссана» 1873 года: первое французское транспортное средство на механическом ходу, дюжина пассажиров. Если «Пежо» мы принимаем за шикарную квартиру, «Обеиссан» может считаться дворцом. Но как же в нем замаскироваться, если это центр общего внимания? И вообще как можно прятаться, если вокруг сплошная экспозиция?

Я снова обошел залу. Статуя Свободы высилась, «озаряя весь мир», на почти двухметровом пьедестале — на мощном корабельном носу, оборудованном ростром. Внутри было что-то вроде рубки, где через иллюминатор, проделанный в носу, можно было любоваться диорамой Нью-Йорка с залива. Прекрасный наблюдательный пункт для ночного времени. В полутьме мне будут видны весь хор слева и весь неф справа, с тыла меня прикроет огромный каменный памятник Грамму, вглядывающийся в дальние коридоры из своей ниши-трансепта. Но при свете дня внутренность рубки отлично просматривалась, и любой нормальный сторож, проводив посетителей, перед тем как закрывать, просто обязан бросить взгляд именно сюда.

Времени было немного. В полшестого закрывали. Я углубился в часовенку-трансепт. Ни один из моторов не мог дать укрытия. Ни гигантские топки четырехпалубных судов — останки какой-нибудь «Лузитании», давно ушедшей в пучину, — ни газовый двигатель Лемуара, весь в зубчатых передачах. Нет. Свет убывал и совсем водянисто сочился в серые витра-

жи, и опять, сильнее чем прежде, мне становилось страшно: спрятаться на ночь среди этих тварей и потом наблюдать, как они оживают в темноте, под лучом электрического фонарика, слушать земнородное бульканье их утроб, видеть кости и требуху без кожи, скрипучие и склизкие от масляного пота. Меня поражала непристойность этой картины: гениталии дизелей, вагины турбин, глубокие глотки, готовые изрыгать огни, дымы, шумы; чудища, надоедливо жужжащие, как майские жуки, стрекочущие, как цикады, а по другую руку — образцы чистейшей абстрактной практичности, автоматы мнущие, жнущие, толкущие, бьющие, нарезающие, ускоряющие, замедляющие, пожирающие, рыдающие всеми цилиндрами, развинчивающиеся на части, как кошмарные куклы, ворочающие барабанами, преобразующие частоты, трансформирующие энергию, трясущие маховиками... Какое мне было спасенье? Они напали бы на меня, науськиваемые Верховниками Мира, которые их используют для доказательства тезиса об ошибке творца. Бедные бессмысленные механизмы, столь ценимые бедными повелителями нижнего мира. О, мне-то как надеяться устоять, не дрогнув?

Надо бежать, надо бежать, это сумасшествие, я ввязался в игру, через которую Якопо Бельбо потерял разум, зачем же я, «Фома недоверчивый»...

Не знаю, правильно ли я поступил вчера, оставшись в этом зале. Если бы не остался, сегодня я знал бы начало истории, но не знал бы конца. И не сидел бы здесь, один, в домике на всхолмье, не вслушивался в тывканье псов внизу под горою, не решал бы вопрос: так знаю я конец этой сказки или концу еще предстоит случиться — случиться со мною?

Итак, я решил оставаться. Я вышел из капеллы, а потом и из церкви. За памятником Грамму двинулся влево, в галерею. В галерее была выставка паровозов, разноцветные модели локомотивов и вагонов стояли жизнерадостные, как игрушки.

ки: уголок Диснейленда, Страны Дураков, луна-парка. Я, похоже, привыкал к смене собственных настроений. Ужас, эйфория, тоска, снова облегчение... подозрительно похоже на известный синдром... МДП. Я втолковывал себе, что столь острая реакция на зрелище машин в церкви объясняется тем, что я начитался записей Бельбо, которые удалось расшифровать с огромными трудами и которые, невзирая на мои труды, — бред. Здесь музей техники, бормотал я, я в музее техники, самое нормальное место, немножко занудное, но не более того. Коллекция безобиднейших трупов, говорил я себе: ты же знаешь, что такое музеи, никого еще не съела Джоконда, эта уродина-гермафродит, хотя для снобов она и Медуза. И еще меньше шансов, что тебя съест паровоз Уатта, его боялись только оссианические, неоготические аристократы, и поэтому у машины такой межеумочный вид: функциональность с коринфским шиком, рычаги с капителями, котлы с колоннадой, колеса с порталами. Якопо Бельбо из своего непрекрасного далека норовил затащить меня в мышеловку, погубившую его самого. Надо, сказал я себе, действовать по науке. Вулканологи не сгорают, как Эмпедокл. Фрэзер не заблудился в Немейском лесу. Ты станешь Сэмом Спейдом, приятель. Маленькая прогулка по трущобам, такая у нас работенка. Женщина, которая тебя зацепила, в конце истории умрет, и прикончишь ее ты. Прощай, Эмили, детка, это было прекрасно, ты бессердечный автомат.

Однако за паровозной галереей следовал зал Лавуазье, после которого парадная лестница уводила на следующие этажи.

И все витрины по стенам, и алхимический алтарь по центру, изысканная макумба века Просвещения, — все здесь стояло не случайно, все было результатом специальной символической стратагемы.

Во-первых, засилье зеркал. Если имеется зеркало, это уж просто, по Лакану: вам хочется посмотреться в него. Но ни-

чего не выходит. Вы меняете положение, ищете такое положение в пространстве, при котором зеркало вас отобразит, скажет: «Вот ты, ты тут». И совершенно невозможно примириться с тем, что зеркала Лавуазье, выпуклые, вогнутые и еще бог весть какие, отказываются вести себя нормально, издеваются над вами. Отступите на шаг — и вы в поле зрения. Шагнете хоть чуть-чуть — и теряете себя. Этот катоптрический театр создавался специально для разрушения вашей личности, то есть вашего самоощущения в пространстве. Вам как будто внушают: вы не только не Маятник, вы и не там, где Маятник. Появляется неуверенность не только в себе, но и во всем остальном. Исчезают вполне реальные вещи, расположенные в пространстве между вами и зеркалом. Разумеется, физика способна объяснить, что происходит: вогнутое зеркало фокусирует лучи, исходящие от предмета. Сейчас этот предмет перегонный куб на медном чане. А нормальное зеркало отражает получаемые из вогнутого лучи таким образом, что собственно предмета, очертаний его, в зеркале не видно, а ощущается нечто призрачное, мимолетное и к тому же перевернутое вверх ногами, где-то в воздухе, вне зеркала. Разумеется, стоит пошевелиться, и эффект пропадет.

Взамен эффекта я увидел себя самого во втором зеркале. Вниз головой.

Невыносимо.

Что имел в виду Лавуазье, чего требовали от него основатели музея? Со времен арабского Средневековья, с трактатов Альгазена изучена магия зеркал. Стоило ли городить огород — Энциклопедия, век Просвещения, Революция, — чтоб продемонстрировать: любое изогнутое стекло способно спровадить вас в Воображаемость. Да и нормальное зеркало способно сглазить. Каждое утро за бритьем мы глядим в глаза Двойнику, обреченному пожизненному левше. Стоило ли оборудовать зал для такого скромного сообщения? Или нам что-то недоговаривают и следует в новом свете рас-

смотреть все попутное — витринки, инструменты, приуроченные к зачаточной физике, к химии просветительства?

Кожаная маска для защиты лица во время опытов по известкованию. Да неужто? Неужто великий повелитель подколпачных свеч напоял эту баутту и глядел помойною крысой из-под скафандра: инопланетянин боится повредить глаза? Oh, how delicate, doctor Lavoisier. Если вы хотите разработать кинетическую теорию газа, зачем так тщательно воссоздаете эолипилу — краник на шарике, который от нагрева вертится и выбрасывает пар? Разве мы не знаем, что первая эолипила была изобретена Героном во времена Гнозиса и что она и есть секрет говорящих статуй и прочих хитроумий египетских жрецов?

А прибор для наблюдения гнилостного брожения, 1789, напоминание о зловонных выблядках Демиурга? Переплетение стеклянных трубок, восходящих из пузыревидного лона к перепутанным сосудам и сочленениям, — семенные пути на узких вилочках-подпорах между двумя колбами, из одной в другую держит путь прозрачная жидкость, тонкие дренажи расширяются в пустоту... Гнилостное брожение? Balneum Magiae, сублимация Меркурия, таинство совокупления, сотворение Эликсира!

Вот еще один прибор для брожения, на этот раз винного. Игра хрустальных радуг, переброшенных от атанора к атанору, выходящих из одного перегонного куба и в другой куб впадающих. А крошечные очки, миниатюрная клепсидра, малюсенький электроскоп, линза, лабораторный ножик, похожий на клинописную литеру, лопаточка с рычагом-выхлопом, стеклянное лезвие, тигелек в три сантиметра из огнеупорной глины, чтоб плодить в нем гомункулов росточком с гнома, неразличимых размеров матка для микроклонирования, ларцы красного дерева, полные белых пакетиков, похожих на облатки в деревенской аптеке, завернутые в линованный пергамент с неразборчивыми надписями, и в этих пакетиках — минералогические образчики, так обычно говорится, а

на самом деле — обрывок Василидовой плащаницы, ковчег с крайней плотью Гермеса Трисмегиста, длинный, тонкий молоточек мебельного обойщика, которому назначено отстучать сигнал к стремительному дню Страшного Суда, аукцион квинтэссенций для публики Малого Народа Эльфов Авалона, замысловатейший приборчик для опытов по сгоранию масел: стеклянные шары, сращенные, как лепестки четырехлистника, и соединенные с другими четырехлистниками, связанными между собой золотыми трубками, и четырехлистники с трубками из хрусталя, и с медными цилиндрами, под которыми — очень далеко внизу — еще другой цилиндр из стекла и золота, и новые трубки, опять свисающие вниз, и от них отростки, железы, мошонки, гланды, гребни... И это химия нового времени? И за это надо было гильотинировать изобретателя, притом что вроде бы материя не образуется и не исчезает? Или все-таки его убили, чтоб он не мог никому рассказать то, что старался высказать в завуалированном виде, подобно быстрому разуму Невтону, который в свою очередь больше всего интересовался каббалой и ее качественными сущностями?

Зала Лавуазье Консерватория Науки и Техники — это исповедь, шифровка, это резюме остального музея, насмешка над самоуверенной и жесткой рациональностью нового времени, шепоток иных тайн. Якопо Бельбо был прав, Разум был крив.

Я торопился, время поджимало. Вот метр, килограмм и меры — иллюзия гарантированных гарантий. Но я помнил из лекций Алье, что тайна пирамид раскрывается, только если вести подсчеты в локтях, а не в метрах. Вот арифметические машины, по виду — триумфы количественности, на самом же деле — прославление оккультной качественности цифр, возврат к принципам Нотарикона¹, к учению равви-

¹ *Нотарикон* (от *лат.* notarius — стенограф) — истолкование слова как аббревиатуры, за каждой буквой которой скрывается другое слово; один из «трех великих путей каббалы». (Здесь и далее — прим. перев.)

нов, рассеянных по городам и весям Европы. Астрономические приборы, часы, автоматы. Беда — вдумываться в эти новые откровения. Я проникал в сердцевину тайного текста, представленного в форме Театра Разума. Хорошо, успеется. Я еще обследую от закрытия до полуночи эти экспонаты, которые в мутных заходящих лучах восстановят свой подлинный облик. Облик образов, а не орудий.

Так, теперь скорее через залы разных видов техники, энергии, электричества, все равно за их витринами не удалось бы мне укрыться. Чем лучше я постигал или угадывал смысл этих вещей, тем большая тоска меня охватывала, поскольку я не успевал найти укрытие, чтобы ночью присутствовать при проявлении их таинственных сущностей. Теперь я мчался, как загнанный. Вслед за мною, как зверь, летела стрелка часов. Ужасающе рос счет. Земля неотвратно обращалась. Время перло вперед, и меня вот-вот должны были отсюда выгнать.

Наконец, миновав галерею электрических устройств, я попал в зал стекла. Какая странная логика потребовала, чтобы в дополнение к самым дорогостоящим и сложным чудесам современной техники там находилась и выставка древнего стекла, известного еще финикийцам? Зала подходила под определение «с миру по нитке»: китайский фарфор и вазы-андрогины Лалика, керамика, майолика, фаянс, муранское стекло, а в глубине, в гигантских размеров витрине, в натуральную величину и в трех измерениях, лев, убивающий змею. Формально присутствие этого экспоната оправдывалось, скорее всего, тем, что группа целиком была выполнена из стеклянной пасты, но эмблематический смысл коренился, надо думать, в ином... Я попытался вспомнить, где я уже видел эти фигуры. Потом я вспомнил. Демииург, отвратительное порождение Софии, первый из архонтов, Ильдабаот, ответственный за этот мир и за его основные недостатки, имел именно этот облик — змеи и льва, и очи его испускали огненный свет. Можно предположить, что и весь Консерваторий является символическим отображением мерзкого

процесса, при котором от полноты первопринципа — Маятника — и от сиятельности Плеромы, от эона к эону, по мере расщепления Огдоада, все переходит к космическому царству, в котором торжествует Зло. Однако в этом случае и змея и лев свидетельствовали, что мое хождение по музею — инициация — к сожалению, *à rebours*¹ — было окончено, и вскоре мне предстояло увидеть мир не таким, каким он должен быть, а таким, каков он есть.

И действительно я заметил, что в правом углу, напротив окон, открывается вход в будку Перископа. Я поднялся в нее и увидел большую стеклянную пластину, как бы экран командного пульта, на котором расплывалось изображение (крайне нечеткое) города с высоты. Вслед за этим я понял, что изображение передается с другого экрана, расположенного у меня над головой, куда оно поступает в зеркальном виде, и этот второй экран — окуляр допотопного перископа, сложенного, в сущности говоря, из двух кожухов, совмещенных под прямым углом, из которых более длинный вытягивался из будки и продолжался у меня над головой и за спиной, доходя до верхнего окошка, из которого, за счет внутренней игры линз, позволявшей очень широкоугольный обзор, и ловились картины внешней жизни. Я прикинул свои перемещения после входа в музей и в будку и пришел к выводу, что при помощи перископа мы смотрим будто сквозь верхние витражи абсиды Сен-Мартена — как бы вися на Маятнике. Мир глазами повешенного. Я постарался приспособить глаз к размытому изображению. Можно было различить улицу Вокансон, куда выходил хор, и улицу Конте, в идеальном смысле продолжавшую неф. Улица Конте пересекалась с улицей Монгольфьер слева и с улицей де Тюрбиго справа. На том и на другом углу по кафе, «Уикенд» и «Ротонда». А напротив — вывеска, бросающаяся в глаза на фасаде дома. «Ателье Жакзам», с трудом прочитал я справа налево.

1 В обратном порядке (*фр.*). Также название романа Ж.-К. Гюисманса (1884), герой которого скрывается от реальности в сон.

Перископ. Не совсем очевидно, почему он должен был быть в стекольном зале, а не, скажем, в зале оптических приборов. Значит, для кого-то имело значение, чтобы образы внешнего мира приходили именно сюда, в это помещение, и именно с этой ориентировкой. Но кому и зачем — я не мог догадаться. Кому понадобилась эта каютка, позитивистская, жюльверновская, напротив многозначительной эмблемы — змеи и льва?

В любом случае, если мне хватит силы и смелости просидеть здесь еще двадцать—тридцать минут, может быть, смотритель уйдет, а я останусь.

Я провел в своей субмарине полчаса, показавшиеся веком. Слышались шаги последних посетителей, шаги последних сторожей. Велико было искушение залезть под лавку, чтоб избежать случайного обнаружения, но я сказал себе: ни в коем случае. Если меня заметут в стоячем положении, я смогу сойти за заглазевшегося растяпу.

Вскоре погасили свет и воцарилась полутьма. В будке сделалось светлее, потому что с потолка отсвечивал экран, мой последний канал связи с миром.

Осторожности ради я должен был оставаться на месте, стоя, а если заболят ноги — сидя, по меньшей мере два часа. Время закрытия музея, конечно, не означает конца работы служащих. Меня взял страх: что, если придут мести залы, перетирать каждый экспонат? Потом я подумал, что так как музей открывается не самым ранним утром, скорее всего его убирают в утренние, а не в ночные часы. Видимо, так и было. По крайней мере на верхних этажах теперь не ходил никто. Только какие-то дальние шорохи. Сухие щелчки. Вероятно — захлопываемые двери. Надо было ждать. В церковь я успею перейти между десятью и одиннадцатью или даже позже, поскольку Верховники соберутся только к полуночи.

Тем временем компания молодежи вышла из кафе «Ротонда». Одна из девушек направилась по улице Конте, поверну-

ла на Монгольфьер. Место было не слишком оживленное, и предстояло довольно нудное времяпрепровождение: час за часом созерцать безлюдный мир у себя за плечами. Но все-таки перископ был зачем-то установлен здесь. Какое же зашифрованное сообщение мог он передавать? Мне начинало хотеться в уборную, разумеется, от нервов, не надо об этом думать, и все дела.

Чего только не лезет в голову, когда вы один, нелегально, в перископе. Примерно то же переживали подпольные эмигранты в трюме парохода. Мне, как и им, предстояло пробиться к статуе Свободы с диорамой Нью-Йорка. Одолевала дремота. Может быть, и вправду стоило немного поспать. Хотя лучше не надо, а не то просплю все на свете.

Еще опаснее было предощущение нервного срыва, то есть когда вот-вот завопишь как резаный. Перископ, подлодка, залегшая на дно, а слева и справа проскальзывают страшные глубоководные рыбы, черней черноты, а их не видно, а воздуха не хватает...

Я несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Надо собраться. Единственное, что не подводит никогда, — список дел. Вспомнить, чем необходимо заняться. Вспомнить мелкие дела, составить перечень, со всеми подробностями, со всеми последствиями. Я пришел к необходимости таких-то действий на основании таких-то и сяких-то предпосылок...

Навалились воспоминания, детальные, четкие, упорядоченные. Воспоминания последних диких трех дней, потом — последних двух лет, потом — сорокалетней давности, в том виде, в каком они открылись, когда я вломился в электронный мозг Якопо Бельбо.

Я вспоминаю (вспоминал вчера) для того, чтобы ввести какой-то смысл в неразбериху нашего ошибочного творения. Сейчас, как и вчера в перископе, я устанавливаю себя в некоей отдаленной точке сознания и раскручиваю из нее рассказ.